

В. И. Иванов — о. П. Флоренскому

7 октября 1915 г., Москва.

Многолюбивый друг и достопочтенный Отец,
Павел Александрович!

Приношу Вам возобновленную двойную благодарность: за надписание моего имени над Вашею изящною и блистательною работой о «восхищении», и за подтвержденное Вами согласие на мою просьбу о послесловии к «Человеку». Сладостны мне, лестны и любезны эти знаки связующей нас, как я уповаю, филии. Порою смущает меня, правда, опасение, что ознакомившись ближе с моею мелопеей, Вы, быть может, уже не чувствуете себя расположенным к исполнению данного обещания: ведь оно может тяготить Вас, если Вы разочаровались в своих ожиданиях от моего произведения. В этом случае (но, прибавлю, только в этом) я, получивший обещание, разрешаю от оного лицо обещавшее. Если же Ваша оценка не изменилась, то, напротив, любовно настаиваю на его исполнении. И даже, с великою назойливостью и домогательством, осмеливаюсь сказать: «bis dat qui cito dat». Ибо «Человек» мой набирается и даже почти уже весь набран, как мне сообщает Издательство, — чему сам я немало подивился. Не усматривайте в этом извещении намерения связать Вас определенным и кратким сроком, но, поскольку возможно, подумайте о «Человеке», которого Звезды, по-видимому, торопят нетерпеливо к скорейшему облечению в многострадальную плоть «*lepidi novi libelli*». Думаю, что труд, Вам предлежащий, есть исключительно труд оформления: ибо весь материал мысли и знания потребный для углубления намеченных тем, — в наличности и в избытке у творца творимой «Анфроподицеи».

Мне хотелось бы поделиться с автором некоторыми впечатлениями, вынесенными из чтения работы о ἀρΠΑγμός. Блистательно, но моему суждению, истолкование апостольского текста — и филологическое, и мистическое, и историческое. Развернулась яркая и многознаменательная страница из живой летописи апостольских времен. Только обстоятельность изложения судеб термина в позднейшей мистической

литературе кажется мне преувеличенной до неоправданности. Так, выписки из Нила Синайского (стр. 16 сл., № 6) и из Исаака Сирина (стр. 18 сл., № 9) ничего не доказывают (поскольку речь в этих местах идет об истолковании самих слов ап. Павла, составляющих и Вашу проблему) — относительно жизни речения в позднейшем мистическом словоупотреблении.

— Что же до исследования корней терминологии в язычестве, — оно восхитительно по широте кругозора и новизне точек зрения (напр., в символической эксегезе об Орифии в платоновском «Фэдре»), но страдает, по моему мнению, некоторыми увлечениями в духе Крейцера и отклонениями от нормы филологического трезвения. Решительно, Вам не удалось доказать, что Гарпии — божества экстаза. Они — божества восхищения от земли, после коего возврата на землю нет, — следовательно, божества смерти земной всячески, не только в представлении непосвященных. Очевидны допущенные Вами ради защиты своего положения натяжки. *Πρόμοιρος ἄρΠΑυμῆ* надгробия значит, конечно, только: «преждевременная смерть». Вывод на стр. 30: «Гарпии живут там, где постоянное пребывание восхищения и исступления», — я бы заменил обратным «места восхищения суть места хтонических культов». Пропал человек бесследно и безвозвратно — его похитили жестокие Гарпии: отсюда в Одиссее *ἄκλειος*. Позднее у эсотериков и в круге их влияния, как уже, быть может, и издавна в лоне оргиастических культовых общин, — это, в применении к отдельным, отмеченным личностям, — толкуется как благодатное восхищение от земли в святыне обители, как вид чудесного *ἁφΑνισμός*. По-видимому, *ἄρΠΑυμός* — всегда «восхищение с телом», восхищение полного человеческого состава и притом, во всех языческих *testimonia* — безвозвратное, — тогда как *ἔκστασις*, — временное выходжение из себя, отделение от тела. Вы же пытаетесь конструировать *ἄρΠΑυμός*, как вид экстаза, качественно специфический, но открытый человеку в его внутреннем опыте, — и, мне кажется, этой цели не достигаете. Неубедительно, что Вы приводите в истолковании мифа о Финее. Слова Сервия не совпадают по содержанию с древнеаркадским различием трех сфер и отнюдь не свидетельствуют о старине, — как и Эвмениды — лишь поздний (сравнительно) эвфемизм о Эринниях. Аполлинийского экстаза во все нет: все экстатическое в круге Аполлона заимствовано из круга Дионисова и перенесено на Аполлона (как мантика, пифийство, лавры и мн. другое). Фракийская родина Борея явное доказательство его чуждости Аполлону: Орфей знает лишь экстатического, двуликого Диониса-Арея и его женский коррелят Артемиду (как определенно заявляет Геродот и что находит себе многочисленные отдельные подтверждения). Этимология «Орифии» как «жертвующей

на горе» — невозможна: здесь θύω (откуда θυιάς) явно имеет значение «восхищенно честной» <?> βακχεύειν, — буйно, бурно мчаться в об-уянии, как «Буя» — Фиада. <Отмечу еще, что в тексте из Филона, приведенном на стр. 10, слова καὶ ὁ βακχεύομενος!... — цитата из Платона, но не оговорено.>

Весьма утешило меня, дорогой Отец Павел Александрович, Ваше арифмософическоераскрытие благоприятных знамений, почивающих над моим и Володиным московским местопребыванием. Обращаюсь в душе с благожелательным приветом к Вашей супруге и сыну. Поручаю себя Вашей дружбе и Вашим молитвам и остаюсь глубоко уважающий и любящий Вас Ваш почитатель

Вячеслав Иванов.

